

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы

Георг фон Конрат

НЕМЕЦКИЕ ДИВЕРСАНТЫ

СПЕЦОПЕРАЦИИ
НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ

1941—1942

Георг фон Конрат

**Немецкие диверсанты.
Специальные операции на Восточном
фронте. 1941-1942**

«Центрполиграф»

фон Конрат Г.

Немецкие диверсанты. Спецоперации на Восточном фронте.
1941-1942 / Г. фон Конрат — «Центрполиграф»,

В своей книге Георг фон Конрат вспоминает о том, как ему довелось участвовать в ответственных операциях в Прибалтике и Одессе, успех которых предопределил ход военных действий в 1941 году. Автор был призван к исполнению долга перед Третьим рейхом в пятнадцатилетнем возрасте, он рассказывает о тяжелых испытаниях, которые ему пришлось пережить в разведшколе во время специальной подготовки.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Георг фон Конрат

Немецкие диверсанты. Спецоперации на Восточном фронте. 1941 – 1942 гг.

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Книга посвящается мужчинам и юношам всех национальностей, которые сражались и погибли

Глава 1

Это произошло в Восточной Пруссии ранней весной 1938 года. На березах уже набухли почки, земля потихоньку оттаивала, и лишь местами, словно белые заплатки на огромном черном полотне, остались лежать маленькие островки снега. Даже дома казались наряднее; в них готовились отпраздновать окончание долгой утомительной зимы. Почти на каждом крыльце стояли только что наломанные березовые ветки, готовые вот-вот распуститься, словно говорившие о том, что приближается новое время года. Для всех весна была временем надежд, перемен, когда города открывают настежь свои окна и люди начинают просыпаться от зимней спячки.

Легко и беззаботно я шагал по дороге, по которой всегда ходил из школы домой. Мне было пятнадцать, и весна для меня означала то, что совсем скоро я смогу снова отправиться в плавание под своим парусом. Я уже соскучился по свежему ветру, дующему в лицо, и все мои мысли были только об одном: как в это воскресенье я смогу выйти на регату. Все было тихо и спокойно в тот мирный день, но этого нельзя было сказать о ситуации в Германии. Разве мог кто-нибудь тогда поверить, что что-нибудь ужасное ожидает весь мир, и как я сам мог поверить, что моя жизнь изменится в одночасье? Но тогда я был слишком молод, чтобы понять все это.

А по всей Германии раздавался грохот военных машин. Неофициальная мобилизация уже началась, и солдаты целыми группами пересекали страну туда и обратно. Оборонительные силы плотно стояли на балтийской границе, засекреченность того, что происходило на российской стороне, была столь велика, что немцы не могли представить, что там происходит. В Германии же была установлена тяжелая артиллерия, а в воздухе с ревом носилось множество самолетов: проходили военные учения. Чемберлен вел переговоры с Гитлером насчет мирного урегулирования вопроса, касающегося возвращения территорий, отвоеванных у Германии после Первой мировой войны. После той встречи в Мюнхене Чемберлен вместе с Гитлером вышли к народу со словами: «Мы не хотим войны».

Гитлер, поддерживаемый Геббельсом, в своих речах объяснял немецкому народу: «Мы не можем стоять и смотреть, как наши соотечественники, наши братья и сестры подчиняются захватчикам, идя на поводу их агентурной разведки». Свою речь он закончил такими словами: «Мы должны вернуть назад нашу землю и освободить наш народ от рабства, миром или войной».

Я понимал, что Пруссия была расколота пополам коридором, но все это казалось далеким и нереальным. Как же я был не прав тогда. Все это касалось меня, да еще как.

Не спеша, ленивой походкой я шел по дороге, мимо дома бургомистра, направляясь к дому Гута Биркенфельда, своему дому, туда, где жили все мои предки, семья фон Конрата из Восточной Пруссии. Оставалось пройти еще милю, и я продолжал мечтать о регате. Наконец показалась тропинка, ведущая прямо к нашему дому.

Проходя по двору, я не заметил ничего такого, что бы могло отличить сегодняшний день от других. Конюхи, как обычно, чистили и запрягали лошадей, а на ферме, располагавшейся неподалеку, молочники, как всегда по вечерам, готовились развозить молоко.

Все вокруг было родным, и знакомые приветствовали меня улыбками. Обойдя дом, я увидел моего брата Франца, стоявшего у белой колонны на самой верхней ступеньке крыльца. Он помахал мне телеграммой, которая была у него в руке:

– Эй, парень! Как тебе удалось это?! Тебе повестка прямо из Рейхсканцелярии!

В ответ я пожал плечами. Разве это значило что-нибудь по сравнению с плаванием под парусом на следующей неделе? Но Франц не унимался:

– Я не смог дожждаться тебя, поэтому открыл конверт и показал телеграмму деду и бабушке. Я не понял, доволен дед или нет. – Прочитав письмо, он напрямиком направился в бар, чтобы выпить.

Я взял телеграмму у Франца.

«От имени фюрера и с согласия ваших родственников вы зачислены в Академию психологии в Зонтхофене, Бавария! Доложить в течение сорока восьми часов. *Рейхсканцелярия*».

Я устался на бумагу и еще раз перечитал послание. Всего несколько слов и точка. Франц приплясывал вокруг меня и кричал: «Что ты думаешь об этом, а, парень?! Что скажешь, а!» Но у меня не было слов. Я не мог понять, почему они выбрали меня. Это казалось нелепым, что какой-то тонкий лист бумаги, который я держал в руках, имел такую власть и мог полностью изменить мою жизнь. Я не протестовал, и у меня не было никаких вопросов. Я должен был доложить о своем решении за данное мне время, или меня просто убьют. В гитлеровской Германии с ослушавшимися был короткий разговор, даже если это касалось детей. Повернувшись, я печально побрел к конюшне, где стояла моя лошадь – красивый жеребец черного цвета, и попытался объяснить ему, как я не хочу уезжать. Он так преданно взглянул на меня, что я еле смог сдержаться, чтобы не расплакаться. И в этот момент ко мне подошел мой дед.

– Сынок, – произнес он любящим голосом, – я знаю, как трудно оставлять то, что ты любишь, но это великая честь для каждого – служить на благо родины, и я горжусь тем, что являюсь тебе дедом. Ты пойдешь по стопам своего отца, и если бы сейчас он был здесь, то тоже бы гордился тобой. – Положив руку мне на плечо, он повел меня в дом. – В нашей семье существуют традиции, Георг, и ты должен с честью и достоинством сохранить их.

Дед принес из кабинета бутылку хереса и, наполнив два стакана, один протянул мне.

– За твое будущее, Георг, за тебя.

Медленно, ничего не говоря, мы пили вино. Я хотел, чтобы он сказал только: «Георг, тебе никуда не нужно уезжать. Ты можешь спуститься по реке на своей лодке в воскресенье, и все будет так же, как и раньше». Но он промолчал, и мы допили вино в тишине. Потом мы пошли на кухню, где бабушка и Франц уже собирались ужинать. По случаю моего последнего вечера дома бабушка приготовила жареную индейку. Мне дали обе ножки, но я не мог есть, еда застревала у меня в горле.

У меня оставалось так мало времени, и я сказал Францу, чтобы он забрал себе лодку и попросил деда позаботиться о лошади. Я не знал, что еще сделать и сказать, не мог поверить, что это все. Франц царапал ножом скатерть, а дедушка, опустив глаза, разглядывал свои руки. Он долго сидел так, а потом перевел взгляд на бабушку:

– Первый раз в жизни я чувствую себя старым.

Она отвернулась и стала смотреть в стену.

Допив кофе, я пошел прощаться со своими друзьями. Меня долго не было, и, когда я вернулся, горел только свет перед входной дверью и на кухне. Я устал и никого не хотел больше видеть, но едва шагнул за порог, как загорелся свет и ребята из отряда юных моряков Германии, сидевшие кто где попало, запели: «Ничто не может сломить моряка». Казалось, там были все. Они веселились, ели и болтали. «Ты вытащил счастливый билет, Георг. Хотелось бы нам оказаться на твоём месте!»

Им было не понять моих чувств, но они с таким энтузиазмом провожали меня, что я не хотел показывать им, как мне плохо. Вечеринка закончилась далеко за полночь, и, когда все ушли, я еще долго стоял и смотрел на тающий снег. За моей спиной горничные приводили в порядок помещение, но мне казалось, будто все происходит где-то далеко. Я ничего не осознавал, пока не пришла бабушка и не отвела меня спать. Я упал на кровать в одежде. «Интересно, куда я попаду? – крутилось у меня в голове. – Самое интересное, почему выбрали именно

меня? Ведь я был единственным человеком во всей Германии, который не хотел никуда уезжать».

Должно быть, я спал совсем недолго и проснулся с той самой мыслью, с которой заснул. Разбудила меня бабушка, которая принесла завтрак и хлопотала возле меня, словно наседка. На мгновение мне показалось, что не было никакой телеграммы, но, окончательно проснувшись, я осознал, что хочу я этого или нет, но это мой последний час в родном доме.

Позавтракав, я надел на себя военную солдатскую форму, спустился в сад, чтобы срезать букет желтых роз, которые следовало отнести на могилу матери. С болью в сердце я положил их на могилу и попрощался с покойницей.

Оставалось время, чтобы как раз успеть на поезд. Прямо у ступенек дома нас ждала самая лучшая наша машина, и водитель, уже одетый в униформу, поставил мои чемоданы на заднее сиденье. Я залез в автомобиль, бабушка с дедом сели напротив меня. Бабушка не верила в войну и в то, что детей забирают из дома, так она говорила дедушке.

– Война – не женское дело, – кратко ответил он. – Георг теперь мужчина и должен служить своему отечеству, я надеюсь, он будет служить достойно.

Бабушка начала плакать, а я смотрел на нее и думал: «Женщины слабые, поэтому свои печали они прячут в слезах». Сейчас я знаю, что это не всегда так.

Приехав на станцию, мы увидели массу молодых людей. Здесь было целых два оркестра, так громко игравших, что я еле слышал, что говорила мне бабушка. Вдруг неожиданно раздался последний предупредительный свисток. Моя бабушка, подобно другим женщинам, стоявшим вокруг, заволновалась, она стала обнимать и целовать меня, умоляя поскорее садиться на поезд. Дед взял меня за руку и сказал:

– Теперь все зависит от тебя, Георг. Не опозорь нашу фамилию. Да поможет тебе Господь, сынок.

Я сел на поезд, который, двинувшись, постепенно набирал обороты, так что дедушка и бабушка скрылись в толпе.

– Пусть Господь не оставит вас тоже! – кричал я, но мои слова заглушались в грохоте колес поезда. Затем и станция исчезла из вида, и я сел на свое место, глядя перед собой пустыми глазами. Впереди меня ждала неизвестность, но я был молод, и, хотя мне ужасно не хотелось покидать родные края, все же я был уверен, что совсем скоро смогу вернуться туда.

Тогда я еще не знал, что начнется война и я никогда больше не увижу свою семью. Но я рад сейчас, что тогда не знал этого.

Вытянувшись на своей полке в пустом купе, я начал читать. Эту книгу о Наполеоне Бонапарте, зная мое увлечение историей, дал мне с собой в дорогу дед. Читая, я пытался избавиться от навязчивых мыслей, но это было бесполезно: они снова и снова лезли в голову.

Поезд прибыл в Берлин в полдень следующего дня. Я сидел на пустой скамейке и ждал поезда на Мюнхен. Думая о том, какое расстояние я проделал, я совсем расстроился, ощутив сильную тоску по дому. Мне никогда раньше не приходилось уезжать из дома дольше чем на несколько дней, и чем больше я думал об этом, тем меньше понимал, что во мне нашли такого, чем я мог бы пригодиться своей стране. Никакой войны не было. Да и Гитлер и Чемберлен были настроены против военных действий. Но почему тогда всех молодых людей Германии одели в военную форму и обучают обращаться с военной техникой? – спрашивал я себя. Мне вдруг стало не по себе, какая-то холодная волна охватила все тело. Мои размышления прервал голос, донесшийся из громкоговорителя, он произнес мою фамилию:

«Георг фон Конрат, немедленно доложите о своем присутствии в военкомат».

Подхватив чемоданы, я бегал с платформы на платформу, пока не нашел то, что искал. В помещении было человек сто, примерно моего возраста, которые также ехали в Зонтхофен. После того как офицер проверил мои дорожные документы, он быстро представил меня остальным. Затем нам показали вагон-ресторан, где мы могли подкрепиться. Мы еще не знали, что

это в последний раз нам самим предлагают выбрать еду. Я огляделся по сторонам, рассматривая остальных, еще не осознавая, что с большинством из этих ребят, начиная с сегодняшнего дня, мне предстоит учиться, есть и спать под одной крышей.

Все мы были немного сбиты с толку, смущались, и поэтому было непросто так вот сразу с кем-то разговаривать, но я познакомился с одним мальчиком, тоже из Пруссии, и всю оставшуюся часть поездки мы держались вместе. Его звали Вилли фон Хоффен, он приехал из Пиллау¹, но, казалось, не был расположен к разговорам, и я больше не о чем не расспрашивал его. Мы просто сидели рядом, а он читал мою книгу.

Когда мы приехали в Мюнхен, для меня это был просто чужой огромный город. Нам не разрешили самостоятельно покидать станцию, а мимо неслись толпы поглощенных своими заботами людей, которым не было до нас никакого дела. Лишь охранники, сопровождавшие поезд, не спускали с нас глаз.

От Мюнхена оставалось ехать только несколько часов, и, когда поезд остановился на маленькой загородной станции, нам приказали высаживаться. Один из сопровождавших поезд повел нашу группу в направлении находившихся неподалеку гор, у подножия которых располагалось четырехэтажное здание.

– Это Зонтхофен, – произнес он. – Вам очень повезло. Только сливки немецкого общества получают шанс попасть внутрь Академии.

Запрокинув головы, мы рассматривали крепкие, сложенные из желтого кирпича стены. Здесь царила атмосфера секретности. Попадая сюда, ты уже не сможешь так просто взять и уйти. Это как попасть в больницу, на принудительное лечение, а скорее – в тюрьму. В радиусе нескольких километров не было видно других зданий, и такое уединение, очевидно, имело смысл. Величественные скалы, покрытые сосновым лесом, возвышались над нами, завораживали и излучали таинственность. Этот пейзаж, на фоне которого стояла наша школа, сделал свое дело: туда не хотелось идти. Академия выглядела холодной и отталкивающей, возможно, даже больше, чем являлась таковой на самом деле. Я не думаю, что, даже находясь в непосредственной близости от этой крепости, кто-то из нас мог предположить, что случается с мальчишками, которые входят в эти ворота. Разве могли мы тогда представить, что большинство из нас будут жить впоследствии в постоянном страхе и отвращении к самим себе, пытаясь подавить все человеческие чувства, действуя словно лунатики, словно люди, находящиеся в бредовом состоянии. Но можно ли было подумать, что, пройдя пытки, ты станешь одним из бойцов диверсионно-десантного отряда, лучше известного под названием «Пятая колонна».

Поначалу я думал, что мы единственные, прибывшие в Зонтхофен, но это оказалось не так. Когда мы стояли у входа, к нам стали присоединяться другие группы ребят, и таким образом нас набралось свыше шестисот человек, и всем было не больше пятнадцати лет. Всех нас загрузили в автобус, и мы двинулись по дороге. Это был последний этап нашего долгого путешествия, и, проехав через тяжелые ворота Зонтхофена, мы оказались на серой асфальтированной площадке. На противоположной стороне помоста несколько преподавателей в форме Национал-социалистической партии со строгими лицами стояли в ожидании полной тишины и нашего внимания. Словно овечье стадо, нас высадили из автобуса и построили в шеренги, приготовив выслушивать длинные нудные речи. У меня не было сил даже притворяться, что я внимательно слушаю, и я просто стоял, смотря перед собой утомленным взглядом и думая: «Георг, ты непременно найдешь какой-нибудь выход». Но я снова ошибался.

Закончились речи, и нас строем повели в общежитие – огромные казармы из желтого кирпича, размером с баскетбольные залы, в каждой из которых стояли кровати в три ряда. В центре каждой комнаты стоял огромный стол, по крайней мере пятидесяти шагов в длину, над которым висело несколько электрических лампочек. Дальше нас провели в столовую, подваль-

¹ С 1946 г. – Балтийск, ныне входит в состав Калининградской области Российской Федерации.

ное помещение чудовищных размеров, стены которого были обиты листами из нержавеющей стали. На одной стене висел огромный портрет фюрера, окруженный флагами.

Затем мы прошли в регистрационную комнату, где наши фамилии записали в журналы и выдали незаполненные бланки. Теперь оставалось пройти медицинский осмотр, и первым делом нас повели к психиатру, а потом – видимо, это было менее важно – мы должны были показаться дантисту и другим специалистам, которые вписывали результаты обследования в пустые строчки бланков. Я постарался сосредоточиться перед тем, как предстать перед психиатром. Надеюсь, что этот осмотр закончится как можно быстрее, и будучи абсолютно уверенным, что он мне нужен так же, как валенки на экваторе, я последовал за охранником, не задавая лишних вопросов. Он провел меня в просторный кабинет, где стояли только стол и два стула, на одном из которых сидел невысокий темноволосый мужчина с невыразительным лицом. Выражение глаз у него было холодное и жесткое. Такого взгляда я никогда раньше не видел. Я предположил, что это и есть психиатр.

Не говоря ни слова, он кивком указал мне на свободный стул и посмотрел мне в глаза, все так же, не нарушая тишины. Я сел. Сидели мы так больше часа, молча и глядя друг на друга. С того момента мне оставалось только ждать, что же произойдет дальше. А его глаза все пристальней и пристальней всматривались в меня, и это длилось до тех пор, пока я не почувствовал себя каким-то ничтожным насекомым под его испепеляющим взглядом. Я был уверен, что, должно быть, схожу с ума. Еще чуть-чуть, и я уже не смог бы вынести такого напряжения. Наконец он облокотился на спинку своего стула и спросил мое имя. Это меня обнадежило, и я, хихикнув, представился. Он кивнул и строго посмотрел на меня.

– Вы знаете, что здесь не место для шуток, – произнес он грубо. – Ваша задача – учиться, тренироваться, обливаясь потом, до тех пор, пока не почувствуете себя как выжатый лимон. И даже тогда вы скажете себе «Вильгельм идет вперед». А сейчас вы свободны.

Я вышел из кабинета, растерянный даже больше, чем раньше. Но он оказался прав, и спустя месяцы и годы мне пришлось вспомнить его слова. Я все преодолею. Без этой мысли никто из нас просто не смог бы выжить. Пройдя всех остальных врачей, я вернулся в казарму, где мне больше ничего не оставалось, как ждать.

Начиная с этого момента последующие шесть недель я ничего не делал, кроме того, как посещал психиатра, маршировал, делал прививки, снова посещал психиатра, играл в спортивные игры и снова посещал психиатра. Иногда я был вынужден часами непрерывно отвечать на его бесконечные вопросы, которые он задавал повелительным тоном, а иногда он просто сидел и буравил меня насквозь своим взглядом, в это время я просто отключался, забывая, где нахожусь. Мои мысли уносились домой: я думал о Франции и о своей лодке.

Но с каждым днем я все больше отвыкал от родного дома. Нам не разрешалось иметь контакты с внешним миром, что бы там ни происходило. Писать письма было запрещено, и никакой почты мы тоже не получали. Так мы и жили, не представляя, что происходит за стенами Академии, хотя у нас почти не оставалось времени на то, чтобы думать, мечтать или интересоваться тем, что происходит в мире. Как-то раз, я еще не успел войти в кабинет врача, он прямо с порога рявкнул:

– Кто рейхсканцлер Третьего рейха?

Я замешкался от удивления, хотя иногда он задавал неожиданные вопросы. Я только выпрямился и крикнул в ответ:

– Адольф Гитлер!

– Где и когда родился фюрер? – громко спросил он.

– 20 апреля 1898 года, – ответил я кратко.

С минуту он молча разглядывал меня, затем спросил:

– И что следует по важности за Третьим рейхом?

– Четвертый рейх, – ответил я, зная точно, что такого не существует. Но моя попытка пошутить не осталась без внимания. Он вскочил из-за стола, стукнув по нему кулаком:

– Нет и никогда не будет никакого Четвертого рейха, ты, тупица. Только Третий рейх – на тысячу лет!

– Так точно, – ответил я подавленным голосом. Его глаза засветились гневом, и он пронзительно крикнул:

– Вон отсюда, грешник!

На этом мои визиты к психиатру в этом сумасшедшем доме закончились.

На следующий день меня распределили в класс «С». Что обозначала буква «С» в названии класса, я не знал. Обучение здесь было построено на базе университетской программы, за исключением одной маленькой детали – на нашем курсе была узкая специализация: как вести военную подрывную деятельность.

День за днем мы видели одних и тех же лекторов в одних и тех же классах; мы сидели на одних и тех же местах, в одном и том же составе, все предметы были об одном и том же: как вести военные действия и разрушать, потом добавились еще два предмета: английский и русский языки. От нас требовали со всей серьезностью относиться к урокам, но, несмотря на это, я не особенно старался, все еще считая, что в моей жизни произошла какая-то нелепая ошибка, настраиваясь на то, что совсем скоро вернусь домой.

Так прошло шесть месяцев. Каждый следующий день проживался словно во сне и тянулся однообразно и монотонно, как предыдущий. С пяти утра и до девяти вечера – лекции, экзамены, посещения докторов, всевозможные прививки, занятия спортом, марширование на плацу. Нас также обучали навыкам обращения с оружием. Вся программа была словно машина, разработанная и продуманная до мелочей, а мы являлись лишь маленькими винтиками в хорошо смазанном механизме. Но у нас не было выбора, не было даже надежды на избавление, и, куда бы мы ни взглянули, за нами молча следили глаза охранников, ничего не упуская из виду. К сожалению, как-то постепенно я, как и все остальные, стал все больше походить на солдата.

Наконец, спустя полгода моего пребывания в Академии, произошло событие, которое внесло разнообразие в наши серые будни. Нас построили на стадионе, и мы ждали объявления результатов экзаменов, как неожиданно пронесся слух, что приехал сам фюрер. Наш командир стоял перед нами вытянувшись в струну и выкрикивал приказы: «Равняйся! Смирно!» Смысл его слов заключался в том, что все происходящее нам не снится.

Сразу три автомобиля с открытым верхом вкатили через массивные ворота школы. В первой машине находились личные телохранители Адольфа Гитлера, во второй ехал сам фюрер, ну а в третьей – несколько офицеров высшего ранга, один из них, позже мы познакомились особенно близко, был адмирал Канарис, наш будущий главнокомандующий.

Все мы не сводили глаз с фюрера. Почти все мы впервые встретились лицом к лицу с человеком, от которого зависела наша жизнь. Вместе с адмиралом Канарисом и начальником Академии он шел медленным шагом, внимательно изучая наш строй. Мы стояли, со вскинутыми на плечо ружьями, руки уже затекли, но никто не смел пошевелинуться. Гитлер смеялся и шутил с нами, а мы готовы были умереть от переполнявшего чувства гордости. Мы вдруг ощутили всю важность происходящего, и в первый раз за шесть месяцев я начал осознавать, что, должно быть, существует какой-то смысл в нашем пребывании здесь. Когда Гитлер говорил, его голос звучал мягко, а в его отношении чувствовалось что-то отеческое по отношению к нам. Когда он приблизился ко мне, я вытянулся так, что чуть не завалился на спину, так мне хотелось выделиться своей осанкой. Все остальные делали то же самое, и я думаю, приди кому-то в голову толкнуть любого из нас в спину, мы бы так и упали плашмя, даже не сумев вытянуть перед собой руки, чтобы смягчить падение.

Никаких речей не прозвучало, и, когда парад закончился, нас распустили, дав команду «вольно», для того чтобы мы украсили столовую. Гитлер сиял от удовольствия, стоя в дверном проходе, и лично пожимал руку каждому из нас, прикалывая на китель значок, означавший, что его обладатель – курсант Академии. Из шестисот человек, поступивших в школу, теперь оставалось только четыреста. Остальных исключили по никому из нас не известным причинам, и, хотя я с завистью наблюдал, как пустели многие койки в моей казарме, сегодня я переживал совсем другие чувства. Я познакомился с самим фюрером, и гордость переполняла меня.

Как только все собрались, один из мальчиков произнес вступительную речь, а затем мы усадились по местам, готовые выслушать все, что скажет фюрер. Он стоял на трибуне в противоположном конце зала, окруженный офицерами и телохранителями, а за его спиной висел его огромный портрет. Очень медленно он обвел глазами комнату и стал говорить:

– Вас выбрали из миллионов мальчишек, чтобы служить своей стране именно здесь, и я чрезвычайно горд и счастлив принять вас в члены Третьего рейха.

Он сделал паузу, и казалось, от его взгляда не ускользнул ни один из нас.

– Огромная ответственность ложится на ваши плечи, и это касается всех. Я верю в вас. Докажите, что молодость – это сила. Завтра вас ждет новая школа, единственная в своем роде, и не только в Германии, но и во всем мире, и там вы будете работать, работать не щадя себя. Вам будет неведома усталость или боль. Вы будете тренироваться день и ночь, без выходных, до тех пор, пока не станете «сверхлюдьми», достойными охранять свою страну, именно там, где ваше присутствие потребуется больше всего. Вы всегда будете помнить, что вы немцы, немецкие солдаты, и служите во славу Рейха.

Он еще долго продолжал говорить, но я уже не вникал в смысл его слов. Я только слышал его голос и смотрел на него как завороженный. В действительности в его речах не было ничего важного, но то, как он вел себя, необычно. Он полностью завладел вниманием зала, и казалось, не было человека, который бы остался равнодушным. Произносил слова он достаточно мягко, но в каждой фразе чувствовалось такое напряжение и сила, что, когда я слушал его, все мысли о доме окончательно выветрились из моей головы.

Я был готов выполнить все, что прикажет фюрер, и стать таким, каким он потребует. Это был самый важный день в моей жизни.

Как только он закончил, адмирал Канарис встал и обратился к нам.

– Ребята, – произнес он, – теперь вы узнаете, как хладнокровно бороться с врагом, как выносить лишения и ограничивать себя в таких вещах, о которых вы раньше не могли себе представить. Я предупреждаю, вы можете возненавидеть тот день, когда появились на свет. Кто-то из вас может сойти с ума, но тот, кто ни перед чем не остановится, обязательно дойдет до окончательной цели. Вам нельзя будет писать писем, и, естественно, не будете их получать. На самом деле, как только все это коснется вашей жизни, вас больше не будет волновать, что происходит в мире. Ваше новое место обучения держится в полном секрете и находится под моим командованием. Вас будут беспрестанно обучать и тренировать, вы будете находиться под полным контролем целого штата охраны, которая, в свою очередь, находится под личным моим началом. А теперь, от имени фюрера и всех ваших родственников, я желаю вам удачи. Бог знает, как она вам пригодится.

Глава 2

Закончился наш последний день в Зонтхофене. Полгода назад шестьсот юных подростков в полном неведении въехали в эти ворота, а теперь оставшиеся четыреста, после промывания мозгов и готовые к подвигам, покидали стены Академии. Я до сих пор не понимаю, как я, не обладая особой старательностью, мог оказаться в числе двух третей курсантов, прошедших этот непростой первый этап. Вещи, которые я брал с собой, мне негодились. Почти сразу при поступлении в Академию мои чемоданы отправили домой вместе со всеми принадлежностями, включая бумажник, фотографии родственников и даже часы. Все, что у меня было из одежды, – это военная форма. Как и всем остальным, мне было присвоено звание младшего лейтенанта.

Грузовики с охраной уже ждали нас; как и тогда, нас погрузили и опять повезли на ту же станцию, где мы высадились полгода назад.

Теперь нас нельзя было назвать представителями немецкой молодежи. Мы выглядели как настоящие военные. Наши серо-зеленые брюки и черные кители с нашитыми черепами говорили о том, что мы уже не обыкновенные солдаты. Все это время нас столь усиленно муштровали, что вряд ли кто-либо, глядя на нас, мог бы подумать, что некоторым из нас нет еще и шестнадцати лет.

Сопровождаемые охраной, мы приехали на станцию, там пересели в поезд, чтобы ехать в новую школу. Вагон-ресторан был прицеплен к нашему составу, и я подумал с досадой, что нам не разрешат покинуть поезд даже затем, чтобы купить что-нибудь себе. Казалось, нашему существованию, напоминавшему тюремный режим, никогда не придет конец. Никогда еще я не видел столько охранников, как в тот день. Они были повсюду, но мне не было до них никакого дела. Образ фюрера уже начал потихоньку стираться из памяти, и меня снова стали одолевать неприятные предчувствия, а в душе поселился страх. Интересно, что это за школа и какие еще введут новые ограничения? Я тысячу раз задавал себе эти вопросы, но до сих пор не мог найти ответа. Одно из самых важных правил, которым я научился в Зонтхофене, было то, что не следует ни о чем спрашивать, и тогда не услышишь то, чего не хочешь слышать. Просто смотри, слушай, запоминай, учись и молчи. Так я и старался поступать, пытаясь не думать о том, куда нас везут.

А поезд снова ехал, я знал это точно, по направлению к Мюнхену. Подошел Вилли и сел напротив меня. Хотя в Зонтхофене мы мало общались, все же успели немного подружиться, а сейчас как раз у нас было настроение, когда хотелось с кем-нибудь поговорить.

– Эй, Георг, – громко произнес он, стараясь заглушить шум поезда. – Что ты на самом деле думаешь о нашем старом чокнутом психиатре? Ты знаешь, сколько раз он вызывал меня в свой кабинет? – Вилли сделал небольшую паузу, но я только вопросительно пожал плечами, и он продолжил: – Сто одиннадцать раз! Сейчас я хочу спросить тебя: разве он не больной?

Я захохотал.

– Не уверен, что есть еще один такой же, по крайней мере в Германии. Я не могу даже посчитать, сколько раз я был у него, и не знаю, кто из нас больше надоел друг другу: он мне или я ему?

Тогда мы не знали, что задача психиатра заключалась в том, чтобы тестировать нас, проверяя нашу нервную систему на выдержку. Сколько каждый из нас мог выстоять, глядя ему в глаза, не показывая своего нарастающего напряжения. Сколь долго могли мы выносить атмосферу враждебности и не выходить из себя, отвечая на его порой грубые вопросы. Мы не знали, сколько мальчишек не прошли этого испытания. Его работа заключалась в выявлении слабых и в их отбраковывании. Но нам ничего не полагалось об этом знать, как и о том, что школа,

которую мы только что покинули, была детским садом по сравнению с тем местом, куда мы направлялись сейчас.

Поезд не торопясь пересекал горную местность по направлению к Мюнхену, минуя крохотные деревушки и поселки. Эта была красивая местность, совершенно не похожая на ту, где я рос. У нас не было таких высоченных гор. Самая большая едва ли достигала тысячи метров, и ее можно было измерить шагами. Думая об этом, я вспоминал рассказы, услышанные в детстве, о сильных штормах, бушующих на море, вымывающих кучи песка со дна на сушу и постепенно превращающих эти кучи в горы. Говорили, что целые города похоронены под ними, и мы называли их «Блуждающими холмами».

Постепенно поезд стал замедлять ход, и мы оказались в пригороде Мюнхена. Мне было невыносимо сидеть на одном месте без движения, и я надеялся, что, может, мы скоро пересеедем на другой поезд. У меня было немного денег, и я надеялся, незаметно улизнув, купить кое-каких вещей, из тех, которые нам не позволяли иметь в Зонтхофене. Наверное, к тому моменту мне уже следовало лучше разбираться в ситуации. Когда поезд въехал на станцию, наши вагоны отделили и присоединили их к другому составу, который должен был доставить нас непосредственно в Берлин. Меня охватило чувство радости, когда мы двинулись по направлению к Пруссии, но это было еще так далеко, да и к тому же от Берлина мы могли проследовать абсолютно в любом направлении, так что я старался особенно ни на что не рассчитывать.

Вместе с Вилли мы вошли в вагон-ресторан. Еда была здесь действительно высшего качества – не имевшая ничего общего с тем, к чему мы привыкли за последнее время, – и я решил, что если нас и в самом деле готовили в такие специалисты, о которых говорил Гитлер, то за весь тот период, пока мы жили в Академии, могли бы и кормить получше. Но даже и здесь, в вагоне-ресторане, была напряженная обстановка. Глядя в окно, я наблюдал за группой мальчишек и девчонок, болтавших о чем-то и хохотавших. Они чувствовали себя свободно, в то время как мы, отобранные из миллионов, сидели словно заключенные в камерах. При этом мне стало нестерпимо горько, но в тот момент мне вспомнились слова фюрера: «Вы нужны Германии», а также фраза психиатра «Вильгельм идет вперед», и я понял, что никого не волнуют мои чувства. Я должен был сражаться за свою страну в какой-то странной войне, которая еще даже не началась. Поэтому я перестал смотреть в окно.

Медленно, как в тумане, мимо меня проплыла станция, и поезд, следовавший без остановок по маршруту Мюнхен-Берлин, не спеша покатил через большие и маленькие города. Время тянулось мучительно долго. Мы играли в шашки и шахматы, в карты, читали, рассказывали анекдоты, до тех пор пока уже нечем было заниматься, после чего все улеглись спать. Все, кроме меня. Я ждал, когда мы проедем столицу. Мне было очень любопытно знать, в каком направлении последует дальше наш поезд. Сам не знаю, как мне пришла в голову такая мысль: раз мы движемся в сторону Пруссии, то почему же мне нельзя съездить домой. Мне совсем не хотелось спать, потому что, когда мы въехали в Берлин, в вагоны вошли девушки, которые продавали шоколад, конфеты и лезвия для бритья. Им было запрещено задавать нам вопросы, а мы, в любом случае, не могли бы ответить на них. Но было так здорово просто смотреть и говорить с ними, хотя это длилось не больше пяти-десяти минут. Они были первыми, кто проник на нашу территорию и общался с нами за последние полгода. Тем более что это были девушки.

Из громкоговорителя донеслись сигналы, и я внимательно стал слушать.

«Отправляется скорый поезд на Эльбинг».

Итак, мы ехали в Восточную Пруссию. Эльбинг находился всего лишь в двухстах пятидесяти милях от моего дома. Каких-то двести пятьдесят миль. А дом Вилли был еще ближе.

– Георг, я бы мог пешком дойти туда, – сказал он. – Как ты думаешь, есть шанс, что мы остановимся там?

Я выглянул в окно.

– Кто знает?

Мы не знали, что еще сказать друг другу. Опять все происходящее показалось бессмысленным и глупым. Вилли посмотрел на меня с горечью во взгляде:

– Кто может это знать?

Спустя немного времени мы расселись по местам и стали читать. Свою книгу я начал читать еще несколько месяцев назад, в Зонтхофене.

Я понимал все ровно наполовину, все остальное было просто набором слов. Но меня это не волновало. Я читал, чтобы убить время.

В Эльбинге наши вагоны, точно так же, как в Мюнхене и Берлине, присоединили к другому составу и повезли на северо-восток. Теперь я знал наверняка, куда мы направляемся. В конечном пункте нашего прибытия должен был находиться центр расположения войск и лагерь для проведения маневров. Там служил мой отец, и однажды мы с дедушкой ходили навещать его. Это была засекреченная территория, и, когда я вспомнил об этом, мне стало страшно.

В предрассветных сумерках я смог рассмотреть грузовики, противотанковые установки и солдат, несущих караул. Наш поезд прошел мимо, нас высадили в крохотной деревеньке, которая на самом деле являлась секретным объектом и нашим домом на ближайшие несколько лет. Наш начальник объявил с гордостью: «Господа, мы только что прибыли в Южный Штаб-лок, центр подготовки 115-го прусского подразделения военно-морских сил». Академия психологии, факультет военной психологии Кенигсбергского университета.

Я тоскливо посмотрел туда, где располагались наши казармы. Низкие деревянные постройки были замаскированы серо-зелеными сетками, натянутыми на крышах, а со всех сторон их обвивали вьющиеся растения. Я подумал, что они похожи на цирковые шатры, только ничего веселого нас там не ожидало.

Неохотно сойдя с поезда, мы выстроились перед бараками; в душе каждый из нас готов был разрыдаться, но, похоже, именно в этот момент из мальчиков мы превращались в мужчин. Один из военных, возглавлявших группу, худой, высокий человек в форме полковника, обратился к нам:

– Начиная с этого момента вы выполняете мои, и только мои приказы. С каждым из вас будет работать личный педагог, и обучение начнется с завтрашнего дня, – произнес он жестко. – С завтрашнего дня вы будете есть и спать под его присмотром и общаться только с ним. И кстати, запомните прямо сейчас, что с того момента, как вы ступили на эту территорию, вы перестали быть немцами. В действительности вы никогда ими и не были. Вы русские, и, более того, вы русские офицеры. – Он сделал паузу и обвел глазами наши ряды, а затем, сдвинув брови, продолжил: – Если вы пойдете против меня, это значит, вы пойдете против дьявола.

Я посмотрел на него недоуменно. Русские? На лицах всех остальных читалось то же самое выражение изумления, которое испытывал я. Но в то же время я увидел покорность. Что бы ни произошло, мы уже привыкли ничему не удивляться.

Полковник продолжал еще около получаса инструктировать нас, а затем приказал оставаться на местах до тех пор, пока не будет составлен список наших фамилий для передачи его преподавателям. Затем он ушел вместе с другими офицерами, оставалась только охрана. Мы, все четыреста человек, стояли и ждали. Казалось, прошло несколько часов, а мы все стояли, до каждого из нас все глубже доходил смысл его слов, наконец назвали первую фамилию. Медленно, одного за другим нас называли в алфавитном порядке. До чего же это было скучно. Утренний туман превратился в мелкий моросящий дождь, и мы стояли, постепенно промокая, а несильный порывистый ветер трепал нашу форму. Моя фамилия начиналась на букву «К», и я был примерно в середине списка, так что мне еще, можно сказать, повезло по сравнению с теми, чьи фамилии начинались на последние буквы алфавита. Хотя нам не было разрешено уходить, все же я и стоявшие рядом со мной ребята периодически слышали, как некоторые

просили разрешения выйти из строя. И если им везло, вместо ответа, им кивали, если же нет, они просто оставались стоять на месте.

Очень медленно добрались до буквы «В», это была очередь Вилли. Я замерз, промок и чувствовал себя совершенно разбитым. Наконец я услышал свое имя.

Собравшись из последних сил, я вышел из шеренги, и один из охранников сопроводил меня в сторону казарм. У меня была первая комната, в бараке под буквой «Б». Он открыл дверь, и я шагнул через порог комнаты. Щелкнув каблуками и приложив руку к виску, я доложил майору, сидевшему напротив меня:

– Георг фон Конрат в 115-е прусское подразделение военно-морских сил прибыл.

На вид майору было около пятидесяти. Волосы на висках уже поседели, но лицо, хотя и немного бледное, все же выглядело моложавым. Он сидел за столом в маленьком, заваленном какими-то бумагами кабинете и буравил меня насквозь своими глазами, словно меряя сверху донизу. Когда он говорил, его голос не выражал ничего; в его тоне только чувствовалась жесткость и отчужденность.

– Я не знаю никакого Георга фон Конрата. И забудьте об этом имени. Такого никогда не существовало.

Я посмотрел на него с иронией, но в моем взгляде сквозила легкая обида. И хотя эти слова были произнесены, до меня не доходил их смысл. Но они были обращены персонально ко мне. Майор видел мою реакцию, но продолжал:

– Вы не Конрат, запомните это. Начиная с этого момента никакого Конрата больше нет. Вы студент, изучающий военную психологию, и, самое главное, вы русский. А теперь садитесь и слушайте.

Я сел, нервничая и скрестив пальцы, потому что обычно младшему лейтенанту не разрешалось сидеть в присутствии старшего офицера, но майор только улыбнулся в мой адрес:

– Расслабьтесь, все в порядке. Я ваш новый преподаватель. Я буду читать вам лекции по психологии на русском языке, а также мы будем изучать нервную систему человека, в частности русского офицера. Так что формальности не должны нам мешать. С этого момента вам придется столько общаться со мной, что я еще встану вам поперек горла. Другого выхода нет, как смириться и привыкнуть к ситуации. И кстати, если вы питаете какие-либо надежды уйти отсюда, то для начала возьмите себе за правило даже не допускать таких мыслей, потому что покинете вы это заведение не раньше, чем получите докторскую степень по психологии и станете абсолютно русским.

Я испугался. Господи, здесь все сошли с ума или только я один? Я не посмел задать ему каких-либо вопросов, но в голове у меня крутилась одна и та же мысль: «Мы же не воюем с Россией. Так что же происходит? Кому в голову могло прийти такое нелепое желание?» Затем я подумал, что, может быть, нас будут обучать русские, но я сразу же прогнал эту мысль, посчитав ее не менее глупой. Все смешалось у меня в голове, но тут снова заговорил полковник, выведя меня из оцепенения:

– Естественно, вам любопытно узнать, почему вы должны закончить эту Академию, так я отвечу на этот вопрос совершенно просто. Русские с каждым днем становятся все сильнее и опаснее, и рано или поздно или мы нападём на них, или они на нас. Поэтому мы должны быть готовы, готовы больше, чем они могут себе это представить, и вы, будучи студентами, первым делом должны освоить психологический курс. – Он посмотрел на меня своими прозрачными, голубыми глазами и спросил: – Вы сдавали экзамен по английскому языку?

– Да, сэр, – ответил я, нервничая, – но я завалил его.

– А что с русским языком?

– Я сдал.

– Я не спрашиваю, сдали или нет, меня интересует оценка! – рявкнул он.

Я вскочил и выпрямился.

– Я сдал на «отлично», сэр.

Он взглянул на меня, смягчившись:

– Садитесь. – На его лице появилась широкая улыбка, и он добавил: – Знаете, вы нравитесь мне, и я надеюсь на взаимность. Но пока я бы хотел, чтобы вы знали одну вещь: учитель и ученик должны понимать друг друга с полуслова, но мне будет все равно, если вы вдруг станете ненавидеть меня, потому что это только облегчит мою работу.

Он опять посмотрел на меня, и я заметил в его взгляде то ли печаль, то ли жалость. Что именно, я не мог точно определить.

– На сегодня это все, – сказал он и указал на дверь, которая вела из его кабинета прямо в маленький коридор. В конце этого коридора была дверь в другую комнату. – С этого дня это ваш дом, до тех пор пока вы не освоите то, зачем вы здесь, или, наоборот, сами все не испортите. Моя комната за соседней дверью. Сейчас посмотрим, принесли ли вашу форму.

Я вышел за ним из здания, и мы проследовали мимо склада боеприпасов в помещение, где я примерил форму русской армии, а также надел русские портянки и ботинки. Стало очевидно, что в моем облике ничего не оставалось от немца. Я смотрел на свое отражение в зеркале и теперь точно знал, что меня ждет. Но мне только казалось, что я знал это.

Поначалу мне даже чем-то понравилась новая школа. Мою комнату убирали женщины, которых я никогда не видел, а я сидел за столом со своим учителем в обеденном зале. Я начал считать себя важной персоной, потому что меня очень впечатляло, что я мог вот так спокойно сидеть за одним столом со старшим по званию.

У каждого длинного стола скамейки стояли только с одной стороны, а так как все столы стояли в одном направлении, я мог видеть только спины мальчиков, каждый из которых сидел со своим личным преподавателем. Я не осознавал этого, потому что все еще гордился, что сижу и разговариваю со старшим по званию офицером, и я даже как-то не понимал, что это был единственный человек, которого я видел и с которым говорил целыми днями, неделями, месяцами, а впоследствии и годами. Казалось, ничего в мире больше не существует, кроме того, о чем рассказывает он. Его присутствие было постоянным. Его лицо стало сниться мне во сне, мои спокойные сны превратились в ночные кошмары, и я даже стал бояться засыпать.

В тот же вечер, как я приехал на новое место, он стал учить меня тому, как будет легче вжиться в новый образ. Достав из ящика своего стола маленький альбом с фотографиями, он протянул его мне, комментируя каждый снимок.

– Меня зовут Григорий Кириллов, студент психологического факультета в своем городе – Витебске; мой отец – Василий Кириллов, умер после революции; мою мать зовут Мария. Это невысокая полная женщина, в возрасте около сорока лет. К сожалению, у меня нет ни братьев, ни сестер.

Майор сидел передо мной, слушая, как я по несколько раз повторяю имена, до тех пор пока они хорошо не отложатся в моей памяти. Только тогда он произнес:

– Вы должны очень точно запомнить образ своей матери, знать каждую родинку на ее лице. Это касается и вашего отца и вашей девушки, которую вы увидите позднее. Да и сам Витебск должен быть знаком вам до мелочей. Ваша задача – полностью перевоплотиться. В конце концов даже мыслить и мечтать вы будете по-русски.

Он выключил свет, и раздался щелчок прожектора. На экране я увидел маленький городок, частью состоявший из современных зданий, частью из зданий с соломенными крышами, отчего, казалось, выглядел несколько неопрятно. Неторопливо, один за другим, на пленке менялись кадры, изображавшие город и его окрестности, потом показалась огромная площадь, вымощенная булыжником, посередине которой возвышался большой памятник Сталину. Далее следовали изображения окраины. На одной из улиц оператор остановился более подробно. Покрытая гравием дорога, пролегающая мимо колодца, уходила в сторону деревьев, которые, при ближайшем рассмотрении, оказались маленьким яблоневым садом. Домики,

хотя ухоженные и чистые снаружи, видимо, были довольно ветхими. Каждый из них стоял на участке площадью в пол-акра, и на каждом участке обязательно росли яблони. Я даже смог разглядеть, что на одном из домов облупилась штукатурка.

Экран погас, и майор спросил:

– Итак, расскажите, что вы видели?

– Небольшой городок.

– И на что особенно вы обратили внимание?

– На улицу с низкими домами. Также я заметил полную женщину, которая стояла на крыльце одного из домов. На каждом участке, огороженном забором, – сад, а еще огороды. – Так я продолжал описывать в деталях все, что смог запомнить.

Когда я вытряхнул из памяти все мелочи, майор кивнул.

– Хорошо, хорошо! – громко произнес он. – Отлично! Я не ожидал, что вы запомните так много с первого раза. Теперь вы будете просматривать этот фильм раз в неделю до тех пор, пока не зафиксируете каждую, даже незначительную деталь. В дверном проеме стояла ваша мать, и, как я уже говорил, позднее вы увидите свою девушку и всех своих друзей.

И все же я до сих пор недопонимал, что происходит. Все казалось таким далеким и простым, и я не представлял, о чем можно беспокоиться. Но уже на следующий день положение усложнилось. Майор начал обучать меня русской разговорной речи, сленгу, и эти слова и фразы он буквально вбивал мне в мозги за завтраком, обедом и ужином, в своем кабинете и в моей комнате. Шестнадцать часов в день – русский, русский, русский, до тех пор пока моя голова не начинала кружиться. Шли месяцы, и я превращался из нерешительного ученика, боящегося произнести незнакомое слово, во все более уверенного, свободно говорящего на другом языке. Эти занятия забирали все время и силы, и сейчас мне нестерпимо хотелось пообщаться с кем-нибудь еще, кроме майора. Мне очень хотелось знать, как дела у Вилли, и иногда в столовой, когда, случалось, он садился передо мной, я с трудом сдерживался, чтобы не окликнуть его. Но куда бы я ни шел и где бы ни стоял, майор всегда находился рядом, наблюдая за мной, задавая вопросы, требуя отвечать на них.

«В каком полку служишь? В какой артиллерийской батарее? Сколько в артиллерии подразделений?» Опять и опять, вопрос за вопросом, и все это на русском.

Постепенно, незаметно для себя, я обнаружил, что стал думать на русском, чувствовать себя русским, и довольно быстро в совершенстве овладел русским языком. Немецкий акцент совершенно исчез, и я произносил идиоматические выражения, будто знал их с детства.

Как-то ночью кто-то грубо потряс меня за плечо и строго произнес на немецком языке:

– Кто ты?

Сонным голосом, заплетающимся языком я ответил:

– Лейтенант 115-го прусского подразделения военно-морских сил Георг фон Конрат.

Как гром среди ясного неба на меня обрушился крик:

– Вон из постели! Я научу тебя правильным манерам!

Подскочив, окончательно проснувшись, я увидел майора, в полном обмундировании, стоявшего около моей кровати. Была осень, дул холодный северный ветер, морозным воздухом охватывало с головы до ног. Несмотря на это, прямо в коротких кальсонах и рубашке, майор выгнал меня на школьный двор. Там я ползал по грязи и замерзшим лужам, прижимаясь носом к земле больше часа, отрабатывая упражнения на случай воздушной тревоги и контратаки против врага, перешедшего линию фронта, до тех пор пока силы не стали покидать меня. Каждую кость в моем теле ломало от холода. От переохлаждения у меня свело мышцы, и каждое движение причиняло новую боль. Но майор ни на что не реагировал, ни на минуту не выказав жалости по отношению ко мне. Его лицо оставалось невозмутимым, а я, преодолевая боль, продолжал выполнять его команды.

Наконец он остановил меня. Поднявшись с колен в черной воде, смешанной со льдом, я стоял перед ним, опустив голову, и он снова спросил:

– Кто ты?

Но я не понял вопроса. Такая тренировка вышибла из меня все мысли, и я стоял, тупо глядя перед собой, а мои отмороженные мозги пытались уловить смысл слов. Постепенно я осознал, что все же являюсь русским. И днем и ночью я обязан быть русским, и не важно, на каком языке со мной разговаривают – на немецком или на хинди. Я все равно должен отвечать на русском. Проклиная себя за собственную дурость, я отчеканил майору:

– Григорий Кириллов, лейтенант Красной армии!

Ему стало легче, о чем свидетельствовала широкая улыбка на лице, и он ответил:

– Можете идти в свою комнату.

Душ был такой же холодный, как ледяная вода в лужах, но я все же вымылся и затем залез под шерстяные одеяла, благодаря Бога, что все позади. Наверное, прошло несколько часов, а я все лежал, неистово дрожа, потому что слишком промерз, чтобы уснуть. Постепенно я стал дремать, хотя так и не согрелся до конца, все же провалился в глубокий тяжелый сон. Неожиданно резкий голос прорезал темноту, крича мне по-немецки:

– Как тебя зовут?

Инстинктивно я поднял руки, чтобы прикрыть глаза от света, бросившегося мне в глаза, и в то же время так же громко крикнул в ответ:

– Георг фон Конрат. – Я замолчал, где-то в подсознании понимая, что, наверное, уже поздно, но все же быстро, хотя и тихо произнес: – Григорий Кириллов, офицер Красной армии.

Мягкая рука отечески похлопала меня по правому плечу.

– Хорошо, сынок. А сейчас спи.

Я отключился, наконец-то окончательно согревшись.

С этого момента следующие полгода превратились для меня в постоянную тренировку, которая с каждым днем становилась все жестче и жестче. Первое время мне было очень любопытно знать, когда вообще майор спит, но со временем моя усталость так накопилась, что мне стало абсолютно все равно. Были ночи, когда я просыпался по двенадцать раз, иногда только раз или два. Я постоянно находился в напряжении, в ожидании, никогда не зная, когда меня позовут в следующий раз. Такое положение сильно действовало на нервы и давило на меня. В этом очевидном беспорядке все ужасало своей непредсказуемостью. Мы никогда не могли предположить, что произойдет в следующий момент.

Не имеет значения, как я привыкал, что чувствовал, что мне стоило вжиться в эту роль, абсолютно адаптировавшись и ничего не принимая на свой счет. Было ощущение, что кто-то читает мои мысли, и даже во сне я не мог до конца расслабиться.

Время от времени меня вытаскивали из теплой постели прямо на снег, покрытый ледяной коркой, где я должен был отвечать на бессмысленные вопросы. Все строилось так, чтобы я ошибся в ответе и тем самым попал в их ловушку. Это было частью обучающей программы.

Так прошло два года в этом захолустном, богом забытом лагере, где на стене над своей кроватью я написал: «Южный Штаблук – убийца моей юности».

Шел 1940 год, и мне было семнадцать лет.

Наконец наступил день, когда майор пригласил меня в свой кабинет в последний раз, и мы оба разговаривали по-русски, как будто таковыми и родились. Хлопнув меня по плечу, он произнес:

– Товарищ лейтенант, я должен сообщить вам, что больше ничем не могу быть вам полезен. Вы сдали экзамены и теперь являетесь не просто русским, но русским офицером, а также стипендиатом, и теперь вам предстоит продолжить обучение с другими преподавателями.

Я взглянул на него ничего не выражающим взглядом, но когда заговорил, то в словах чувствовался сарказм.

– Товарищ майор, значит ли, что я покидаю этот райский уголок, где раньше времени успел поседеть и превратиться в старика?

– Нет, на самом деле все происходившее здесь только пойдет вам на пользу.

Он паковал свои чемоданы, складывая принадлежности и все вещи, говорившие о том, что это был его кабинет, и в этот момент я испытал чувство, будто это мой отец, который неожиданно уезжает в непредвиденное путешествие. Я понял, что он сам неподвластен самому себе, и больше не таил на него зла. Те полномочия власти, которыми, казалось, он владел, совершенно ему не принадлежали. Возможно, он и сам испытывал боязнь и страх, будучи марионеткой в чьих-то руках. С моего поступления в Академию, а потом перевода в эту школу прошло два года, и я знал, что там, где мне придется обучаться дальше, не будет легче. Скорее меня ожидали новые трудности.

Майор повернулся ко мне, и сейчас в его голосе появилась мягкость.

– Я хочу предостеречь вас, товарищ, что мир очень жесток. Но если вы вспомните все, чему я учил вас, вы все сможете преодолеть.

Я заметил, что у него на глаза навернулись слезы. Отдав ему честь, я поймал на себе его долгий, задумчивый взгляд, наполненный печалью. Затем он вышел.

Теперь я оказался предоставлен сам себе, но не надолго. В тот же вечер прибыли трое моих новых «полоскателей» мозгов. Один из них – врач-психиатр, другой – специалист по задаванию смертельно нудных вопросов, который выглядел так, будто готов убить родную мать за коробок спичек, а третий – майор. Высокого роста и прямой как доска, он вызывал чуть больше симпатии, правда не намного. Он должен был инструктировать меня в вопросах, как разрушать и уничтожать все живое на земле.

Никто из них первым не заговорил со мной. Они смотрели на меня свысока и таким взглядом, будто я не человек, а собака, в то же время их глаза не выражали ничего, игнорируя мое существование.

Глава 3

На следующий день после отъезда майора, с одной стороны, я почувствовал освобождение, а с другой – напряжение со смешанным чувством ожидания и любопытства. Лег спать я переполненный эмоциями. Но, несмотря на то что я провалился в тяжелое небытие, даже во сне тревожные ощущения не покидали меня. Проснулся я от тяжелых шагов вошедших. Должно быть, было около двух часов ночи, хотя я не мог точно знать, так как у меня не было возможности посмотреть на часы. Глубокий гортанный голос закричал на меня по-русски:

– Встать, когда с вами разговаривают старшие!

Я пулей выскочил из комнаты, зная точно, куда идти. Я и без света знал на ощупь каждый сантиметр этого коридора. Открыв дверь в кабинет, я сразу же наткнулся на жесткий, пристальный взгляд моего нового учителя, а скорее сторожевого пса.

– Садитесь, – резким тоном приказал он.

За столом стояло лишь кресло без подлокотников, и я сел в него, а он достал пачку сигарет, аккуратно вытащил одну и, прикурив, сделал пару медленных затяжек. Он смотрел на меня, его глаза светились, словно два огонька, готовые прожечь меня насквозь, и я почувствовал, что такой взгляд мог отпугнуть кого угодно.

Он заговорил, и, к моему удивлению, его голос зазвучал вполне дружелюбно. Тряхнув пачкой сигарет, он спросил мягким голосом:

– Вы курите?

Попав под обманчивое обаяние его голоса, я, немного расслабившись, вежливо отказался. Затем он подошел ко мне и, поставив свою правую ногу на мою левую ступню, остался стоять так некоторое время. Эта выходка причинила мне боль, потому что я был босиком, а он был обут в кирзовые сапоги, но я ничего не сказал, подумав, что, возможно, он сделал это не нарочно. Пока я раздумывал, что же происходит, он занес надо мной свои огромные, как у гориллы, руки, и стал хлестать меня по лицу с такой силой, что я подумал, моя голова не выдержит и отвалится. Я пытался понять, что же я сделал не так. Почувствовав сильное головокружение, я все же краем глаза заметил, что теперь второй ногой он наступил мне на другую ступню. Но в этот момент я получил по щеке удар такой силы, что слетел с кресла. А мои ноги, приплюснутые к полу его сапогами, казалось, теперь будут иметь такой вид, будто по ним прошелся каток. В тот момент я всем сердцем ненавидел этого человека и был готов растереть в порошок и даже убить его. И это яростное желание придало силы не показать, как мне больно, и тем самым не доставить ему еще большего удовлетворения. Не пикнув и ни на мгновение не изменившись в лице, я поднялся и опять сел. Он снова наносил мне удары, а я снова вставал. Так продолжалось минут десять, а затем совершенно неожиданно он спросил:

– Как зовут вашего отца?

Совершенно опешив, какое-то время я ничего не мог сообразить. Было ощущение, будто мне приставили чью-то чужую голову, а руки показались болтающимися в воздухе отдельно от тела. Сделав над собой усилие и сконцентрировавшись, я предположил, что это еще один из способов стать настоящим русским.

– Василий Кириллов, – прозвучал мой ответ.

Едва успев произнести последнее слово, он с силой врезал мне по губам, и я почувствовал, что потекла кровь.

– Витебск, – проговорил я хрипло.

Он в очередной раз стукнул меня по лицу.

Процедура запугивания и уничтожения моего «я» длилась около двух часов.

Когда наш разговор закончился, двое охранников проводили меня обратно в комнату. Я лежал в кровати, в бреду, но не смея спать, потому что знал: через какое-то время за мной придут повторно, как это уже было однажды.

Так, лежа в полубессознательном состоянии, я различил перед собой другого офицера, стоявшего возле кровати, со стетоскопом, висящим на шее. Он спрашивал меня о самочувствии, но я отвернулся, не придавая значения его словам и испытывая огромное желание послать всех к чертовой матери. Зачем беспокоиться о моем здоровье, если сами сделали все, чтобы испортить его? Но он очень осторожно дотрагивался до меня и говорил мягким голосом, поэтому я больше не стал сопротивляться, и, когда он повторил заданный вопрос, я ответил:

– Я чувствую себя отлично.

Но в моем голосе звучала обида.

Он покачал головой:

– Знаете, я уверен, что это не совсем так. Вы выглядите не вполне здоровым, и думаю, нам придется что-то предпринять на ваш счет.

Он сделал мне укол, и через пять минут я заснул.

Не знаю, сколько времени меня никто не беспокоил, но уже снова был вечер. Значит, с тех пор как они приехали, прошли сутки.

За дверью не было слышно никаких шагов, а я был словно в дурмане. Но, окончательно проснувшись, я увидел, что свет горит в том чудовищном кабинете, а затем услышал все тот же жесткий гортанный голос, прокричавший:

– Встань и подойди ко мне!

Теперь я знал, что ожидать от этого тирана. Собравшись с духом, я твердой походкой прошел по коридору и открыл дверь.

В руке он держал плетку, и, войдя в кабинет, я увидел произошедшие изменения: в комнате появился кожаный диван. Дверь в смежную комнату была полуоткрыта, и оттуда доносились пронзительные вопли какого-то мальчика, с которым, по-видимому, проводили воспитательную работу, такую же, что и со мной накануне. Некоторое время я стоял как вкопанный, но потом что-то мне подсказало – надо присесть. Мой деспот курил теперь уже какие-то другие сигареты с отвратительным запахом и делал вид, что не замечает моего присутствия. Мне ничего не оставалось, как слушать и догадываться, что происходит за соседней дверью. Хотя я не мог видеть, кто это был, по ответам мальчика, которые раздавались поочередно с варварскими криками, требующими: «Почему же ты раньше не хотел признавать этого?», я понял, что он служит в 115-м прусском подразделении военно-морских сил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.